

— Хм, — Сяо Циюй сделал два шага в его сторону, понизил голос. Внешне он сохранял доброжелательность, но слова оставались острыми. — Цичэнь, мы с тобой в одной лодке. Сяо Ципин — законный сын, и теперь Сяо Цимин тоже законный. Пока они существуют, мы никогда не будем в фаворе. Не верю, что ты этого не понимаешь.

Сяо Цичэнь сдержанно улыбнулся:

— Старший брат, что ты говоришь... Мы все братья.

Сяо Циюй ткнул пальцем ему в грудь, играючи:

— Здесь нет братьев, только переплетение интересов. Не думай, я не знаю, зачем ты потащился в округ Цингуан? Но разве отец держит тебя в сердце?

Сяо Цичэнь молчал, пристально глядя на их с Сяо Циюем сомкнутые тени.

Вероятно, решив, что тот заколебался, Сяо Циюй продолжил:

— Цичэнь, ты с детства умен, и никак это не скроешь. Ты понял, что те наёмники были моими, но не проговорился, не вставил нож в спину. Я сразу понял — ты не из тех, кто цепляется за сиюминутную выгоду. Сейчас только объединившись, мы можем показать тому, кто на троне, что его законные сыновья ничуть не лучше побочных.

Сяо Цичэнь по-прежнему не проронил ни слова. Сяо Циюй похлопал его по плечу:

— Подумай и заходи ко мне. Всегда жду.

Когда тот удалился, Сяо Цичэнь медленно направился к чертогу Чэнлань. Тяньхуэй поспешил следом, озабоченно спросив:

— Ваше высочество, вы ведь не поддадитесь на уговоры князя Чжао? Подчинённый видит, что он замышляет недоброе...

— Нет, — отрезал Сяо Цичэнь.

Тяньхуэй уже собрался вздохнуть с облегчением, как вдруг Сяо Цичэнь холодно усмехнулся. Он произнёс это очень тихо, ровно настолько, чтобы Тяньхуэй расслышал, — неясно, намеренно ли:

— Объединиться...? Сяо Циюй... Он разве достоин?

О случайной встрече с Сяо Циюем Сяо Цичэнь в итоге никому не рассказал. Он по-прежнему коротал дни в чертоге Чэнлань в праздности, изредка наведываясь в Императорскую академию. Цзэн Сюй как раз разбирал древние трактаты о ритуалах и музыке, и Сяо Цичэнь вызвался помочь.

Всё шло своим чередом. Когда пришли вести о войне на севере, знать и высшие сановники, казалось, уже научились сохранять невозмутимость. Их спокойствие зиждилось на вере, что отборные войска Великой Лян сумеют удержать варваров за Великой стеной. И даже если на фронте будут нести огромные потери, разве помешает это им после заседания предаваться утехам?

Сяо Циюй каким-то образом умудрился остаться в Цзиньлине и даже являлся на придворные собрания. Он отличался от большинства сторонников мира жёсткой позицией, что заставило

Сяо Янь взглянуть на него иначе. Но сам Сяо Циюй оставался невозмутим, безупречно скрывая свои истинные чувства.

Военные действия не привлекали особого внимания, зато другое событие потрясло весь двор.

Пожилой сановник, трёхправленческий ветеран Се Кэ, поскользнулся, выходя из дома. Само по себе это было пустяком, но, увы, почтенный возраст обратил падение в настоящую катастрофу. Сначала Се Кэ тут же поднялся, словно бы без последствий, однако на следующий день уже не смог встать с постели. Когда Се Хуэй впопыхах примчался, старик уже не мог говорить.

Семья Се была печально известна своей недолговечностью: все сыновья Се Кэ ушли из жизни раньше отца. Теперь, когда старец занедужил, бремя управления родом легло на Се Хуэя. Тот первым делом подал прошение об отставке деда с поста канцлера, а затем, ссылаясь на его тяжёлую болезнь, несколько дней подряд не являлся на собрания.

Замены канцлеру не нашлось. Се Кэ занимал этот пост три правления, и, казалось, никто даже не допускал мысли, что он может заболеть. Или умереть.

Сяо Янь в срочном порядке выдвинул на освободившееся место начальника Департамента императорских церемоний. Однако не прошло и нескольких дней после вступления того в должность, как в Тинвэй поступил донос: мол, ещё будучи начальником департамента, тот чиновник брал взятки и прикарманил изрядную сумму. Сяо Янь на дух не переносил клановые дрязги, а казнокрадов ненавидел пуще всего, поэтому немедленно отрядил тинвэевцев на проверку. В итоге в особняке чиновника изъяли добрую половину государственной казны.

Падение начальника департамента повлекло за собой целую вереницу высокопоставленных сановников и знати. К своему ужасу, Сяо Янь обнаружил: он-то полагал, что империя Лян несокрушима, а она, оказывается, давно прогнила изнутри.

Вот почему ежегодные траты на пограничную армию и гвардию доблестной кавалерии столь велики, а Су Чжи вечно кричит о нехватке жалования и провианта!

Вне себя от ярости Сяо Янь приказал немедленно отправить все конфискованные деньги на север. Гвардия доблестной кавалерии, нежданно-негаданно получив целое состояние, чуть не рыдала от радости — Шэнь Чэнцзюнь, обнимая нежданное богатство, едва сдерживал слёзы.

В имперском аппарате произошла масштабная перетасовка. Сяо Цичэнь наблюдал за этим с холодным равнодушием, лишь отмечая про себя, что его давние смутные опасения начинают сбываться.

Южная Лян с момента основания опиралась на поддержку нескольких знатных семей. Когда Сяо Юнсин поднял восстание, они предоставили ему финансы и войска, и после того, как он поглотил несколько княжеств и взошёл на престол, эти сановники и богачи по праву получили множество привилегий.

Впоследствии титулы стали наследственными, а со временем и должности превратились в фамильную собственность. В правительстве Южной Лян почти не появлялось свежей крови. Канцлером был назначен Се — и вот уже несколько десятилетий этот пост занимали Се. Командующим императорской гвардии стал Ван — и с тех пор невозможно было представить на этом месте кого-либо другого. Талантливые выходцы из простых семей не могли пробиться наверх; чтобы занять хоть какую-то должность, приходилось идти в армию, но это было сопряжено со смертельным риском. Многие, полные нереализованных амбиций, в итоге выбирали иной путь.

Дело с начальником департамента обнажило лишь верхушку прогнившего айсберга. Если бы император действительно вознамерился провести чистку, это неизбежно задело бы интересы всех сторон, включая его самого... Сяо Янь на такое не был способен.

Эта тяжёлая война на севере, размышлял Сяо Цичэнь, вполне может оказаться проигранной.

Лето пролетело среди цзиньлинской суматохи и склок. К середине осени Сяо Янь устроил в саду Хуалинь грандиозный пир для всех сановников.

В отличие от прежних лет, когда царил атмосфера всеобщего веселья, на этот раз приглашённые господа боялись, как бы император внезапно не обрушил на них гнев. Даже за едой и созерцанием танцев они пребывали в трепете, втихомолку гадая о высочайшей воле, и в итоге никто не осмеливался вымолвить ни слова.

Принцы присутствовали все. Супруга князя Чжао сослалась на недомогание и не приехала; княгиня Чу, недавно родившая дочь, была ещё слаба и также отсутствовала. Сяо Циюй и Сяо Ципин, что случалось нечасто, восседали за одним столом, отчего сидевший ниже Сяо Цичэнь уже не казался столь одиноким.

Сяо Циюй язвительно протянул:

— Ещё не поздравил тебя, второй брат. Слышал, дочурка вылитая ты, да и плачет мало — куда смышлёней моих сорванцов.

Он нарочито сделал акцент на «дочурке» и «сорванцах». Все знали, что у князя Чжао, помимо наследника, подрастали ещё двое сыновей, и многие сановники поддерживали его как претендента на трон именно по этой причине. А вот первым ребёнком князя Чу стала девочка. Хотя Сяо Ципин души в ней не чаял, для недоброжелателей это был повод для пересудов.

Услышав это, Сяо Ципин не рассердился, а лишь усмехнулся. В его глазах стояла непроглядная тьма, куда более глубокая, чем у обычных людей. Он слегка опустил веки, будто разглядывая винный бокал, и спокойно произнёс:

— Не смею равняться со старшим братом, князем Чжао. Однако племянникам, ни в чём не повинным, приходится томиться в уделе, в то время как цзиньлинские красоты столь восхитительны. Мне, младшему брату, искренне жаль их.

— Ты... — Сяо Циюй резко нахмурился, пальцы судорожно сжали бокал.

Они обменивались колкостями, и каждая фраза била точно в больное место. Сяо Цичэнь слегка кашлянул, его звук потонул в напеве танцовщицы, но как раз достиг ушей обоих. Сяо Циюй понял, что это намёк — будешь буянить, напомнят о подозрительности императора. Он с негодованием фыркнул, давая злобу глотком вина.

Сяо Ципин мягко улынулся. Когда речь зашла о Сяо Цичэне, его тон заметно смягчился, почти утратив прежнюю едкость:

— Цичэнь, слышал, ты бывал на границе. Скажи, тамошние красоты куда величественнее, чем в Цзяннани?

— Ничего, — ответил Сяо Цичэнь. — Глаз радуется лишь жёлтой земле, чуть подальше — уже тучные пастбища. Но те земли не наши, и соваться туда без нужды — лишний риск. Я остановился у заставы Яньмэнь. Когда север успокоится, съезжу ещё, смогу зайти дальше.

Сяо Ципин согласно кивал, а через мгновение с лёгкой горечью произнёс:

— Мне же остаётся лишь мечтать.

Сяо Цичэнь сказал:

— Старший брат Пин, от А Яня я слышал, он знает в Шаньинь одного знаменитого лекаря. Как-нибудь съезжу к нему, спрошу, нельзя ли поправить твоё зрение... Как думаешь?

Эти слова заставили и Сяо Ципина, и Сяо Циюя замереть. Первый был изумлён, второго же обуяла ярость.

Сяо Цичэнь приподнял веки, встретившись с пылающим взглядом Сяо Циюя. Уголок его губ дрогнул, сложившись в тонкую, многозначительную улыбку:

— Впрочем, это давний недуг. Я, не сведущий в медицине, и то понимаю — излечить будет непросто. Но ты всё же хочешь попытаться?

<http://bllate.org/book/15940/1425194>